
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОСМАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В.А. Чмырева

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье освещены основные подходы, представленные научно-политическим сообществом США касательно наиболее актуальных проблем османской истории, отраженных в политике современной Турции и продолжающих оказывать влияние на роль и место Республики в системе современных международных отношений в целом.

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, американская историография, Османская империя, османское наследие, Турция, Ближний Восток, США.

Изучение османского наследия Турции в современной американской историографии позволяет определить образ восприятия Турецкой Республики ведущими специалистами политико-академического сообщества США, а также приближает к пониманию ее роли и места в системе современных международных отношений в целом. Так, по мнению большинства американских специалистов, Турция является ключевым союзником Запада в ближневосточном регионе, при этом стремление государства занять достойное место в «концерте» великих держав уходит корнями в его имперское наследие. В этом контексте обращение исследователей к страницам османской истории (изучение территориального и этно-религиозного устройства государства, феномена «османской толерантности», реформаторской деятельности по западному образцу, деятельности западных миссионеров на Ближнем Востоке и др.) есть попытка осознания настоящего через изучение его прошлого.

С. Шоу, специалист по истории Ближнего Востока и Турции из Университета Калифорнии, одним из первых среди западных исследователей начал заниматься изучением Османской империи на основе архивных материалов. По словам профессора, история османского государства – это история многих народов и основных религиозных групп (мусульман, евреев, христиан), а также комплекс взаимоотношений между ними в Европе и Азии [18. С. vii]. При этом автор подчеркивает, что принцип разделения населения османского государства на религиозные общины не является явлением уникальным.

Эта практика была распространена в средневековой Европе, а также на Востоке, включая халифаты: субъектам разрешалась применять свои собственные законы под юрисдикцией властей, подчинявшихся главе государства. Основным же достижением османов стала институционализация этой системы, т.е. превращение ее в составную часть государственной структуры [18. С. 151]. Д. Гоффман, профессор истории Университета Болл, также подчеркивает, что феномен «османская толерантность» возник в результате обобщения византийского, персидского, арабского опыта, а также итальянских городов-государств, создав особый порядок, просуществовавший полтысячелетия [10. С. 12].

Профессор истории Колумбийского Университета К. Барки утверждает, что изучение системы взаимоотношений между османскими властями и религиозными общинами с точки зрения «управления разнообразием» необходимо для понимания той выгоды, которую современная Турция может извлечь из Османского наследия [4. С. 13]. При этом говорить о толерантности можно лишь применительно к раннему периоду османской истории, когда империя представляла собой терпимое к «другим» общество [4. С. 15]. В дальнейшем же «лучшие практики османов» [4. С. 26], по словам автора, были преданы забвению.

Так, созданная османскими властями система религиозных общин базировалась на признании прав верующих других религий, однако при сохранении четкой субординации и подчинении немусульманских общин мусульманам при верховенстве ислама.

Профессор истории Университета Уэсли Б. Мастерс в этой связи отмечает, что даже в тех районах, где мусульмане были в меньшинстве, они составляли легальное большинство, т.к. их территория находилась в зоне влияния *Дар аль-ислама*. Профессора Бостонского университета Д. Фромкин также подчеркивает, что многонациональная империя представляла собой «мозаику людей, которые не смешивались» [9. С. 34]: греки, армяне, евреи и другие общины жили обособленно, и единственным объединяющим фактором выступала религия. Однако парадокс состоял в том, что для немусульманских общин османского государства (около 25% населения к началу XX в.) религия являлась не объединяющим, а разделяющим фактором, впоследствии способствовавшим их растущему вовлечению в орбиту влияния западных держав [9. С. 35].

Обращение к деятельности американских миссионеров на территории Османского государства позволяет глубже понять степень влияния Запада на население империи в целом и, в частности, ее христианские общины. Более того, исследование этой темы американскими специалистами бросает вызов устоявшейся в среде научно-политического сообщества точке зрения о том, что американцы слабо присутствовали в регионе до Второй мировой войны. По словам В.Р. Мида, профессора гуманитарных наук в Бард Колледже, экс-советника Совета по международным отношениям, американское миссионерское движение является «частью потерянной истории внешней политики США» [16. С. 139] и сыграло значительную роль в пробуждении самосознания христианских общин Империи и трансформации османского мира в целом.

Б. Мастерс отмечает, что уже к началу XIX в. в связи с ростом военной мощи Европы и изменением баланса сил отношение османского руководства к христианам Империи и европейцам в целом существенно трансформировалось. Отдельные христиане стали служить мусульманам в качестве «суррогата той ярости, которую они могли изредка использовать против европейцев» [15. С. 7]. Многим, тем не менее, удалось воспринять плоды просветительской деятельности миссионеров: постепенно они начинали дистанцироваться социально, экономически и психологически от своих мусульманских соседей. Так, постепенно христианские общины в восприятии османских властей переставали быть покорными меньшинствами и начинали восприниматься как носители тревожного западного влияния, или, по словам В.Р. Мида, «агенты иностранных империалистических держав» [16. С. 160]. В конечном итоге это стало одним из основных факторов, приведших к реализации «демографической политики» османских властей, признанной в американской историографии как геноцид. По словам Д. Фромкина, факт осуществления геноцида подтверждают и османские, и европейские источники [9. С. 212].

Профессор истории в Университете Миннесоты Танер Аччам утверждает, что в стремлении предотвратить процесс распада Османской империи, а также руководствуясь интересами национальной безопасности, властями был разработан план этно-религиозной гомогенизации населения Османской империи, так называемый «социальный инжиниринг» [1. С. xv], направленный на радикальную реструктуризацию состава населения Анатолии. Так, геноцид не был кампанией против конкретной этно-религиозной группы: переселение явилось частью политики, «проводившейся властью с целью спасения империи» [1. С. 449]. Другими словами, стал результатом сложных взаимоотношений между государством и его субъектами в период войны: власти империи видели опасность национальной безопасности в одной из групп местного населения, ликвидация которого, как им представлялось, снимет угрозу распада государства.

При этом в реализации османскими властями «демографической политики» замешаны и западные державы, которые, по мнению американских авторов, продолжают нести историческую ответственность.

Историк В. Дадрян, директор Центра исследования геноцида Института Зоряна, в своем исследовании на основании многочисленных источников доказывает факт тесного сотрудничества между турецкими и германскими офицерами в разработке политики переселения армян и делает вывод о том, что Германия «виновна не как основной свершитель преступления, но как его соучастник» [7. С. 3]. Обвинения Германии в бездействии звучат также в сборнике работ коллектива американских исследователей, вышедшем по результатам прошедшей в 2000 г. в Вашингтоне научной конференции по геноциду [2]. Однако не все авторы столь категоричны в оценках: профессор Д. Фромкин воздерживается от обвинений Германии и объясняет невмешательство опасениями «навредить альянсу с Турцией» [9. С. 213].

Касательно роли Америки и возможностях ее участия в недопущении геноцида в среде американского научного сообщества существует консенсус: идея «американского изоляционизма» и внешнеполитическая стратегия В. Вильсона, «самого идеалистического президента» [6. С. 110], противоречили вовлечению США в рассматриваемые события задолго до их свершения. Однако невозможность предотвратить и остановить геноцид сокрушили триумфализм В. Вильсона: по словам профессора истории Дж. Купера, несмотря на то, что «вильсоновская идеология обещала мир и справедливость всем нациям», «Армения как новая нация не удалась, выявив не только свои пределы, но и вильсоновизма в целом» [6. С. 112].

Особой критике в американской историографии подвергается нежелание турецкого руководства признать факт геноцида, а Танер Аччам утверждает, что внутренняя политика Турции «не имеет шансов на успех без учета опыта и ошибок прошлого, которое начинается, в первую очередь, с его признания» [1. С. 452]. Весьма дипломатично по этому поводу высказались эксперты Центра РЭНД: «Разъяснение событий, связанных с трагической гибелью армян, является важным вопросом и заслуживает внимания», но оказание давления на Турцию касательно признания геноцида «отягощает американо-турецкие отношения» и «не способствуют армяно-турецкому примирению, что крайне необходимо» [14]. В этой связи администрации президента США рекомендуется «работать в тесном сотрудничестве с лидерами Конгресса, чтобы убедиться, что данный вопрос не усугубляет отношения с Турцией» [17].

Опасность осложнения американо-турецких отношений в связи с возросшим обсуждением вопроса о геноциде в период президентства Б. Обамы отмечает также Э. Палома, эксперт Центра международных и стратегических исследований [19], учитывая стратегическую важность отношений с Анкарой для Вашингтона.

В настоящее время Турция стремится к реализации своих геополитических амбиций на Ближнем Востоке, что возможно в том числе через поиск политического компромисса и признание исторических ошибок. Будучи преемником Османской империи, в условиях социально-политической дестабилизации и военной эскалации в регионе, Турция, по мнению американских исследователей, имеет шанс реализовать собственный геополитический проект – восстановление влияния на Ближнем Востоке. При этом без учета опыта османского наследия, факторов становления, развития и заката многонациональной империи Белый дом не сможет адекватно сформулировать собственную внешнеполитическую стратегию в отношении Турции и Ближнего Востока в целом.

Таким образом, большинство американских исследователей признают уникальность опыта политического устройства, межнациональной, конфессиональной политики Османской империи, необходимых для понимания сути процессов, происходящих в ближневосточном регионе в настоящее время. Однако, по словам К. Барки, османское наследие есть «спорная тропа» [3. С. 28], и для его успешного использования в политическом строительстве современной Турции требуется его тщательное изучение и критическое переосмысление.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- [1] *Akcam T.* The Young Turks' crime against Humanity: The Armenian Genocide and Ethnic Cleansing in the Ottoman Empire. Princeton University Press, 2012.
- [2] *America and the Armenian Genocide of 1915 / edited by Jay Winter.* Cambridge University Press, 2003.
- [3] *Balakian G.* Armenian Golgotha. Translated by Peter Balakian. Alfred A. Knopf, New York, 2009.
- [4] *Barkey K.* Rethinking ottoman Management of Diversity: What can we learn for modern Turkey? // *Democracy, Islam, and Secularism in Turkey / edited by Ahmet T. Kuru and Alfred Stepan,* Columbia University Press, 2012. P. 12–32.
- [5] *Cagaptay S.* The Rise of Turkey: The Twenty-First Century's First Muslim Power, Potomac Books, 2014.
- [6] *Cooper J. M.* A friend in power? Woodrow Wilson and Armenia // *America and the Armenian Genocide of 1915 / edited by Jay Winter.* Cambridge University Press, 2003. P. 103–113.
- [7] *Dadrian V. N.* German responsibility in the Armenian genocide: a review of the historical evidence of German complicity, Blue Crane Books, 1996.
- [8] *Democracy, Islam, and Secularism in Turkey / edited by Ahmet T. Kuru and Alfred Stepan,* Columbia University Press, 2012.
- [9] *Fromkin D.* A peace to end all peace: the fall of the Ottoman Empire and the creation of the Modern Middle East. Holt Paperbacks, Cop. 2009.
- [10] *Goffman D.* The Ottoman Empire and early modern Europe. Cambridge University Press, 2002.

- [11] Is the Holocaust Unique?: Perspectives on Comparative Genocide, edited by Alan S. Rosenbaum, Westview Press, 2001.
- [12] *Kramer H. A Changing Turkey: The Challenge to Europe and the United States*, Brookings Institution Press, 2000.
- [13] *Larrabee F. S. Turkey as a U.S. Security Partner*. RAND Corporation / F. Stephen Larrabee. RAND Corporation, 2008.
- [14] *Larrabee F. S., Kiniklioglu S. America's Turkey Problem*. URL: <http://www.rand.org/blog/2007/02/americas-turkey-problem.html>.
- [15] *Masters B. A. Christians and Jews in the Ottoman Arab World: The roots of sectarianism*. Cambridge University Press, 2001.
- [16] *Mead W. R. Special Providence: American Foreign policy and how it changed the world*. Routledge, 2002.
- [17] *Rabasa A. The rise of political Islam in Turkey* / Angel Rabasa, F. Stephen Larrabee. RAND Corporation, 2008.
- [18] *Shaw Stanford J. History of the Ottoman Empire and modern Turkey. Volume 1: Empire of the Empire of the Gaziz: The Rise and Decline of the Ottoman Empire, 1280–1808*. Cambridge University Press, 1977.
- [19] *Turkey's Evolving Dynamics: Strategic Choices for U.S.-Turkey Relations*. Final Report of the CSIS U.S.-Turkey Strategic Initiative. March 2009. URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/090408_flanagan_turkeyreport_web.pdf.
- [20] *Winter J. Under the cover of war: the Armenian Genocide in the context of total war // America and the Armenian Genocide of 1915* / edited by Jay Winter. Cambridge University Press, 2003. P. 37–52.

TURKISH OTTOMAN LEGACY IN MODERN AMERICAN HISTORIOGRAPHY

V.A. Chmyreva

Theory and History of International Relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The article presents the main approaches developed within US scientific and political community concerning the most challenging issues of the Ottoman history reflected in the policies of modern Turkey, and still having impact on the role and place of Turkish Republic in the system of international relations in general.

Key words: foreign policy, international relations, American historiography, Ottoman Empire, Ottoman legacy, Turkey, Middle East, USA.